

ИРИНА СЫНКОВА

РЕЛИГИОЗНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ
ПЕРИОД: КОНЕЦ ТРАДИЦИИ?

В прошлом значение религиозной письменности для мусульманской общины Великого княжества Литовского (ВКЛ) было велико: она не только выполняла функции сохранения и трансляции религиозного знания, что было весьма важно в ситуации оторванности от остального мусульманского мира, но также, будучи частью религиозной системы, выступала культууроформирующим фактором и отражала различные аспекты духовной жизни данной этноконфессиональной группы. Не случайно она привлекала внимание различных ученых, начиная с самых первых исследований, посвященных истории и культуре татар Великого княжества Литовского¹. Большое количество научных и популярных работ на эту тему появилось в первой половине XX в.² Серьезными текстологическими исследованиями был отмечен послевоенный этап в развитии китабистики. При этом объектом исследования, как правило, становились отдельные произведения или конкретные манускрипты из обширного рукописного наследия татар, созданные в прошлом (в период XVII–XIX вв.)³. Тем не менее, рукописная традиция поддерживалась на протяжении всего XX в. и дожила до XXI в., хоть и претерпела некоторую трансформацию.

Кардинальные изменения социально-политических и культурных условий в XX в., после Первой мировой войны, существенно повлияли на развитие письменности у татар: обнаруживается тенденция к постепенному сворачиванию рукописной традиции. В значительной мере это было связано с распространением печатной продукции. Уже с XIX в. печатные Кораны, изданные в Казани, начали

¹ Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Санкт-Петербург, 1857.

² Подробнее см.: Вольскі В. Наконт нацыянальнай літаратуры беларускіх татар // Узвышша. Мінск, 1927. № 4, с. 135–146; Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej // Rocznik Tatarski. Warszawa, 1938. Т. III.

³ Подробнее см.: Łapicz Cz. Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język). Toruń, 1986; Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai (Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys). Vilnius, 2001; Suter P. Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarisch Koran-Tefsir. Köln–Weimar–Wien, 2004; Тарэлка М., Сынкова І. Адкуль пайшлі ідалы. Помнік рэлігійна-палемічнай літаратуры з рукапіснай спадчыны татараў Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2009; Akiner Sh. Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden, 2009.

вытеснять рукописные, хотя и не привели к полному исчезновению последних⁴. Возможность приобрести изданные на польском и русском языке переводы Корана сокращала потребность в переписывании *тафсиров* / *тефсиров* – рукописей Корана с подстрочным переводом на польский язык⁵.

В период между двумя мировыми войнами религиозная жизнь в Западной Беларуси, входившей в состав Польского государства, и в БССР существенно различалась: религиозно-культурный подъем в первой и беспощадная борьба с «опиумом для народа» – в другой. Но при этом создание рукописей татарами сокращается в обеих частях. В Западной Беларуси⁶ это происходит ввиду появления огромного количества печатной литературы, начиная от разного рода учебных пособий и заканчивая разнообразной религиозно-дидактической литературой. Только некоторые категории рукописей в это время продолжали активно переписываться: *хамаилы*, *грамотки* и *далавары* (рукописи, предназначенные для погребения вместе с умершим). Небольшие хамаилы с самым необходимым набором обязательных молитв многие переписывали для себя во время или после окончания обучения в мусульманских школах, таким образом обеспечивая себя на будущее необходимым руководством для повседневной ритуальной практики⁷. Для многих переписчиков этот хамаил оставался единственной собственноручно изготовленной рукописью, насколько можно судить на основании опросов представителей старшего поколения белорусских татар, которые еще до Второй мировой войны успели пройти обучение в мусульманских «школках» или у *годжиев* (учителей, обучавших арабскому письму и основам религии); далеко не все из тех, что знали арабское письмо, потом занимались переписыванием рукописей. Этот персональный хамаил на протяжении жизни владельца, как правило, продолжал пополняться. Зачастую он становился и своеобразной памятной книгой, куда вносились семейные сведения (обычно на форзацах книги), заметки бытового или производственного характера, хозяйственные расчеты. В хамаил могли попадать и неканонические тексты, и молитвы, относящиеся к сфере знахарства, гаданий или апотропеической магии.

⁴ И сегодня многие татарские семьи в Беларуси еще хранят эти казанские издания как «старинные книги».

⁵ Более того, эти переводы из печатных изданий начинают проникать в рукописи, конкурируя с тем вариантом перевода, который возник в татарской общине ВКЛ в XVII в. Подробнее см.: Рукапісы татараў Беларусі канца XVII – пачатку XX стагоддзя з дзяржаўных кнігазбораў краіны. Каталог. Уклад. М. Тарэлка. А. Цітавец. Мінск, 2011; *Тарэлка М.* Пераклад Карана на беларускую мову, створаны татарамі былога ВКЛ (праблема існавання) // XV Міжнародны з'езд славістаў. Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2013.

⁶ В межвоенный период большая часть татарских общин находилась на территории Западной Беларуси, являвшейся частью Польской Республики.

⁷ В некоторых местностях такого рода хамаилы татары называют *суфорками*.

Грамотки и далавары имели индивидуальное значение в еще большей степени; считалось, что первые «защищали» верующего при жизни, другие «служили» ему после смерти. Грамотку, содержащую определенный набор молитв⁸, изготавливали обычно для ребенка в качестве оберега, но многие люди сохраняли ее до конца жизни⁹. Далавары¹⁰ готовили для погребального ритуала. Таким образом, грамотки и далавары требовались постоянно. Те, кто не умел писать, заказывали их для себя у переписчиков.

В БССР в тот же межвоенный период разворачивалась борьба с религиозностью во всех ее проявлениях и формах: уничтожались храмы и молитвенные дома, преследовались представители духовенства, пресекалось традиционное религиозное обучение. И как результат среди татар-мусульман резко сократилось число людей, знающих арабское письмо и способных читать религиозные книги своих предков. Новые рукописи в это время, видимо, появлялись уже крайне редко¹¹. Да и те книги, что достались от предков, если не уничтожали из страха перед репрессиями, то прятали, часто в самых неподходящих местах, где они разрушались от неблагоприятных условий¹².

После Второй мировой войны продолжающаяся атеистическая пропаганда и всеобщая борьба с религиозностью, которые распространились теперь уже и на Западную Беларусь, осложняли не только отправление культа, но и препятствовали религиозному обучению, а это, в свою очередь, привело к тому, что новые поколения татар, родившиеся после войны, оказались вне арабскографичной письменной традиции и рукописная литература предков по этой причине стала для них недоступной. В результате к началу 90-х гг. XX в. количество татар в Беларуси, которые бы умели читать арабскографичные тексты, существенно сократилось. При опросах в различных татарско-мусульманских общинах на территории Беларуси выявилось, что только очень незначительное число людей (преимущественно

⁸ Состав текстов подобен тому, который мы находим в обычных хамаилах-суфортах.

⁹ Грамотку, в виде маленькой книжицы или написанную на длинной бумажной ленте, которую затем компактно складывали (свитком или «гармошкой»), вкладывали в специальный чехол на длинном шнуре и носили на груди или, что бывало чаще, подмышкой с правой стороны. Размеры грамотки в сложенном виде редко превышают 8 x 8 см.

¹⁰ *Далавар* (искаженное *dualar* – тюрк. «молитвы») представлял собой длинный бумажный свиток с таким же примерно набором молитв, как и в хамаилах.

¹¹ На сегодняшний день нам известны только две датированные этим периодом рукописи: хамаил 1927 г., написанный в Смиловичах, и хамаил 1923 г., написанный в Койданово (ныне г. Дзержинск). В настоящее время обе находятся в частном владении.

¹² Нам неоднократно во время полевых исследований приходилось видеть такие рукописи – сохраненные, но находящиеся в ужасном состоянии, разрушенные грибком, насекомыми или грызунами.

но представители старшего поколения) знали арабское письмо. Почти все они (за небольшим исключением) были родом с территории Западной Беларуси. Это либо люди, которые успели еще до Второй мировой войны пройти обучение в мусульманских «школках» или у годжиев, когда подобное обучение было свободным и открытым, либо те, кто учился уже полулегально в послевоенное время. В 50–60-х гг. на территории Беларуси по сути существовала только одна такая «школа» – в Ивье. Впрочем, и здесь со временем стали ощущаться «успехи» советской пропаганды. Новые поколения, родившиеся в 60-х и 70-х годах, уже мало интересовались внутренней стороной религии, хотя и придерживались определенных традиций и

Аминя Мустафовна Полтаржицкая

отмечали мусульманские праздники. Те немногие татары, которые умели читать Коран и хамаилы, приглашались родственниками и знакомыми для участия в различных ритуальных мероприятиях не только в своем городе или селении, но и в других местах, как в Беларуси, так и за ее пределами¹³. Для тех же, кто не знал арабского письма, а таких в 80–90-е годы прошлого века уже было большинство, необходимые молитвы и суры из Корана переписывались кириллицей¹⁴.

Но даже среди тех, кто знал арабское письмо и умел читать Коран, только единицы занимались переписыванием книг (таких как Коран, хамаил или таб) или других традиционных рукописей. Исключение составляли только так называемые *нюски* (небольшие фрагменты текста, использовавшиеся с лечебными целями), которые при необходимости и при наличии образца мог переписать любой владеющий арабской графикой. Об определенном упадке письменной традиции свидетельствуют, в частности, обнаруженные нами в с. Поляны нюски с псевдоарабским письмом. Писавшая их знахарка, не зная арабского письма,

¹³ В советское время это могли быть только поездки в Литву, а в 90-е гг. появилась возможность посещать также родственников и в Польше.

¹⁴ В некоторых семьях нам показывали такие хамаилы, написанные в последних десятилетиях XX в.

Сулейман Яхьевич
Рафалович

Сулейман Гамберович Рафалович

воспроизводила по памяти некий «текст», состоявший из знаков, весьма отдаленно напоминавших арабские буквы.

Большая часть известных нам переписчиков второй половины XX в. происходит из Ивья. Большое количество рукописей переписал Сулейман Яхьевич Рафалович (1909–2001). По воспоминаниям его родственников, он до конца жизни сохранял живой интерес ко всему, что было связано с исламом, по крупицам собирал информацию в доступных для советских читателей изданиях. А когда появлялась возможность познакомиться с чьей-нибудь рукописью, переписывал из нее то, что его интересовало. Он помогал своему отцу Яхье Рафаловичу, который был одно время годжием, обучал татарских детей. Кроме рукописей Сулейман Рафалович оставил еще и большое количество каллиграфически выполненных изречений из Корана или молитв – *мугиров*, которые по сегодняшний день украшают стены Ивьевской мечети и дома его родственников.

Другой житель Ивья, бывший имам Ивьевской мечети Сулейман Гамберович Рафалович (род. в 1940 г.) также переписывал рукописи, как для себя, так и для других людей, в том числе полный текст Корана. Учился он арабскому письму у своего отца Гамбера Яхьевича Рафаловича (ум. в 1964 г. в возрасте 70 лет), который также был в прошлом имамом и одновременно годжием.

Много лет занимался переписыванием различных рукописей Якуб Мустафович Шабанович (род. в 1922 г.). С семи лет он ходил одновременно в польскую общеобразовательную и татарскую (мусульманскую) школу: с утра шел в обычную, а после обеда вторую половину дня проводил в «медресе» (как он сам любит называть находившуюся тогда в общинном доме школу), где под руководством Яхьи Рафаловича постигал премудрости арабской графики.

Якуб Мустафович Шабанович

Халима Алиевна Ризванович

Среди тех, кто знал арабское письмо, было и немало женщин. Некоторые из них также переписывали хамаилы, грамотки и далавары. В Ивье нам довелось познакомиться с Халимой Алиевной Ризванович (1920–2011), которая показала нам хамаилы, переписанные ею и ее сестрой Фатимой. Занималась переписыванием и другая жительница Ивья – Анифа Мустафовна Сафаревич (1913–2009). Еще продолжает рукописную традицию Аминя Мустафовна Полтаржицкая (род. в 1941 г.), проживающая в настоящее время в Новогрудке, но родом также из Ивья.

Якуб Адамович

Несколько особняком от этой группы стоит Якуб Адамович (1923–2013), живший в Поставах, сын мядельского имама и сам долгое время выполнявший функции имама. Как и многие другие владеющие арабским письмом белорусские мусульмане, он составил хамаил для личного пользования, писал далавары и грамотки. Но особенно много он написал *карточек-нюсок* с «целительными» или «защитными» текстами для тех, кто обращался к нему за помощью, и благодаря этому о нем знали во всех общинах татар Беларуси.

В Узде мы познакомились с Асией Амуратовной Канапацкой (род. в 1929 г.), которая переписывает, или, точнее, перерисовывает мугиры. В отличие от С. Я. Рафаловича, который в своих произведениях достаточно свободно составлял композицию из нескольких определенных изобразительных и текстовых элементов, Асия Амуратовна в основном копировала с одного имеющегося у нее образца.

Мало кто из названных переписчиков создавал крупные рукописи. Написанные С. Я. Рафаловичем kitab и С. Г. Рафаловичем – Коран следует рассматривать как исключение. Большинство переписывали для себя небольшие персональные хамаилы с традиционным набором самых необходимых молитв, а также в большом количестве грамотки и далавары по просьбам знакомых и родственников. При этом сочетание и последовательность текстов на грамотках и далаварах практически тиражировались – повторялись переписчиком из рукописи в рукопись в соответствии с образцами.

Хотелось бы еще отметить, что все названные переписчики – глубоко верующие люди, для которых переписывание представляло своего рода богоугодное дело, а потому предварялось молитвой. Очень внимательно они относились также к некоторым деталям самого процесса переписывания. Так, например, в ивьевской традиции закрепился обычай переписывать далавары только шафрановыми чернилами, в то время как другие виды рукописей в XX в. часто писали уже обычными чернилами, тушью, шариковыми или гелевыми ручками.

С использованием шафрановых чернил связывалось одновременно и религиозно-мистическое и «практическое» представление. Первое заключалось в восприятии этих чернил как особенных, в некотором смысле священных, хотя никто из переписчиков не мог сказать, на чем основана такая идея¹⁵. Практический же аспект заключался в том, что шафрановые чернила в отличие от обычных считаются несмываемыми, т. е. не боятся воды. Видимо, данное обстоятельство и послужило причиной того, что их использование для написания далаваров стало рассматриваться как обязательное¹⁶.

Те, кто использовал шафрановые чернила в своей практике, рассказали о способах их изготовления, в большинстве своем сводившихся к следующему: из

¹⁵ Во время бесед с более молодыми представителями татарской общины Ивья нам приходилось слышать такое объяснение, что, мол, шафрановыми чернилами писал Мухаммед. Но, возможно, такие представления являются уже привнесенными за последнее время, заимствованными в результате обучения татарской молодежи в других мусульманских странах.

¹⁶ Тут стоит отметить, что в прошлом шафрановые чернила широко использовались татарскими копиистами для написания всех категорий рукописей. Данные относительно чернил, приводимые С. Кричинским (подробнее см.: *Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej // Rocznik Tatarski. Warszawa, 1938. T. III, s. 221*), на наш взгляд, не совсем верны и требуют уточнений.

шафрана готовился водный настой, в который добавлялся жженный сахар в необходимом количестве; если сахара будет мало, то чернила получатся слишком водянистыми, если много, то написанное будет клейким. Индивидуальные рецепты различались только деталями. Так, Я. Шабанович делал настой двух видов: обычный (высушенные цветы настаивались в горячей воде) и специальный, для которого цветы перекаливались, а потом уже настаивались, что давало более темный цвет чернил. Затем оба настоя смешивались и добавлялся сахар.

Некоторые информанты (Х. Рызванович, Я. Шабанович, С. Г. Рафалович) рассказывали, что в прошлом сами выращивали шафран. К сожалению, на момент проведения опросов (т. е. в 2008–2013 гг.) он уже не выращивался. Я. Шабанович, который в это время еще писал рукописи, использовал для изготовления чернил шафран, купленный на рынке. В научной литературе сообщалось о выращивании татарами шафрана¹⁷, но без особых уточнений. На самом деле, в этом вопросе далеко не все ясно. Когда речь заходит о шафране, то сразу вспоминается знаменитая пряность, которую на Востоке использовали как лекарство, красящее вещество, а также для изготовления чернил. Это один из видов крокусов (*crocus sativus*), растение с красивыми лиловыми цветами, тычинки которых используют в качестве пряности. Однако этот шафран произрастает только в теплом климате южных стран.

Наши же информанты из Ивья говорили о растении с желтыми цветами, лепестки которых использовали для изготовления чернил. В конце концов, удалось выяснить, что речь шла о так называемом «диком шафране», растении совершенно другого семейства – сафлоре красильном (*carthamus tinctorius*), которое также является теплолюбивым (его выращивают в Средней Азии и на наших рынках продают как «шафран»), но при определенных условиях может быть выращено и в климатических условиях Беларуси.

Еще любопытней сведения, сообщенные бывшим муфтием белорусских мусульман Исмаилом Мустафовичем Александровичем (род. в 1929 г.), что в Клецке во времена его детства шафран собирали в окрестностях города, где он рос в диком виде. Но, к сожалению, информант не смог описать растение, так как знал о нем только понаслышке. В настоящее время даже пожилые жители Клецка не могут про это ничего рассказать. Разумеется, в этом случае речь также шла не о настоящем шафране, а о каком-то другом и в данном случае уже местном растении, которое стали называть «шафраном», создав таким образом для себя (сознательно или нет) замену дорогого и труднодоступного материала для изготовления чернил.

¹⁷ Подробнее см.: *Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai* (Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys). Vilnius, 2001, p. 19.

В прошлом, видимо, существовал несколько иной рецепт изготовления шафрановых чернил, с добавлением т. н. *голяса* (вещества, получаемого из чернильных орешков), о котором упоминали некоторые информанты, жившие в довоенной Польше, говоря об изготовлении шафрановых чернил во времена их детства. Но по причине отсутствия этого вещества в продаже в послевоенное время никто уже точно не знал, что это такое. Белостокский имам Стефан Ясинский рассказывал, что в одном из хамаилов, которые у него хранятся, видел рецепт изготовления чернил именно из чернильных орешков. Видимо, это была обязательная составляющая прежнего рецепта шафрановых чернил, которая придавала им более насыщенный коричневатый цвет.

Кроме того, при изготовлении шафрановых чернил в прошлом, видимо, использовался еще один компонент, который придавал чернилам необходимую плотность и вязкость, – гуммиарабик. Об этом со ссылкой на своего отца рассказала жительница Минска Лейла Мусич. На Востоке гуммиарабик широко использовался при создании рукописей (как для чернил, так для твореного золота, которым декорировали и сами рукописи, и переплеты). Разумеется, в послевоенной советской Белоруссии его уже невозможно было найти, и ему был найден заменитель – сахар.

Скорее всего, старые рецепты изготовления шафрановых чернил передавались в виде устной информации. В большом количестве рукописей, с которыми нам удалось познакомиться как в государственных, так и в частных собраниях, никаких записей на этот счет не обнаружилось¹⁸.

В редких случаях шафран упоминается в комментариях к «лечебным» текстам, в которых предлагается смешать его с чем-нибудь еще, например, «шафран с пижмой смешавши, написать...», но в данном случае речь может идти не об изготовлении шафрановых чернил, а об особой смеси двух настоев растений (так сказать «специального назначения»), используемых конкретно для написания нюсок¹⁹.

К сожалению, приходится констатировать, что потрясения XX в. не прошли бесследно: произошло прерывание традиции, существовавшей только благодаря устной передаче. Кроме того, изменившиеся условия повседневной жизни делали недоступными многие прежде использовавшиеся компоненты. Все это привело, в конечном счете, к изменениям традиций, забвению старых и появлению новых рецептов.

Оживление религиозной жизни в 90-е гг. также не дало нового толчка для продолжения письменной традиции по ряду причин. Прежде всего, массовое

¹⁸ Хамаил с рецептом чернил, о котором говорил нам С. Ясинский, мы сами не видели.

¹⁹ В других подобных случаях рекомендуется написать текст кровью голубя или курицы либо еще каким-нибудь «чудодейственным» средством.

распространение печатных изданий делает ненужным переписывание. Каждый желающий сейчас может легко приобрести печатный Коран в различных изданиях, с переводом или без него. Большое количество религиозной литературы практически вытесняет потребность в рукописных книгах, тефсирах и таджвидах. Появились также печатные молитвенники, в которых арабский текст передается кириллицей для тех, кто не знает арабского письма. Во-вторых, произошли изменения взглядов относительно таких традиционных категорий рукописей, как далавары и грамотки, которые в прошлом имелись у каждого верующего. С точки зрения религиозной доктрины оспаривается их соответствие нормам ислама.

Все эти факторы расшатывают многовековую традицию, которая сыграла огромную роль в сохранении этнокультурной и конфессиональной идентичности. Увы, когда исчезает потребность, то исчезают основания и стимул для соответствующей деятельности. Перспективы дальнейшего продолжения рукописной традиции белорусских, литовских и польских татар оказываются более чем проблематичными. Как ни печально, но приходится констатировать, что мы являемся свидетелями умирания культурно и исторически значимой традиции.